

М.М. Громова (Москва, Россия)

Роман Доди Смит «Сто один далматин» в переводах на русский язык

Аннотация: В статье рассматриваются трудности художественного перевода на русский язык английской детской литературы. Сопоставляются четыре перевода романа английской писательницы Доди Смит «Сто один далматин» («The Hundred and One Dalmatians», 1956), где главными героями являются собаки разных пород и возрастов. Дается краткая характеристика переводов, сравниваются переводческие решения в области игры слов и имен собственных. Особое внимание уделено репрезентации персонажей женского пола и передаче гендерных стереотипов в каждом переводе. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что все переводы в той или иной степени сокращены, они нередко отклоняются от оригинала при передаче личностных свойств, умственных способностей и особенностей поведения животных. Прежде всего это касается женских персонажей. Несмотря на то что эти отступления от текста оригинала носят эпизодический характер, они существенно влияют на художественное восприятие романа.

Ключевые слова: художественный перевод, детская литература, гендерные стереотипы, Доди Смит, «Сто один далматин»

М.М. Gromova (Moscow, Russia)

Russian Translations of the Dodie Smith’s Novel “The Hundred and One Dalmatians”

Abstract: This paper compares four Russian translations of the novel “The Hundred and One Dalmatians” (1956) by the English novelist Dodie Smith. A brief description of the translations is given, translation decisions in the field of wordplay and proper names are compared. Particular attention is paid to the translation choices for the representation of female characters and the attempts at conveying original book’s gender stereotypes in each translation. Each translation is shortened to one degree or another, and this is not indicated in the masthead. All translations deviate from the original of the novel when transmitting personality traits, mental abilities and behavioral patterns of female characters. Despite the fact that these changes are episodic in nature, they significantly affect the perception of the book.

Key words: literary translation, children’s literature, gender stereotypes, Dodie Smith, “The Hundred and One Dalmatians”

В данной работе анализируются трудности художественного перевода современной английской детской литературы на примере сопоставления переводов романа Доди Смит «Сто один далматин» на русский язык. Ранее эта тема в науке не рассматривалась. Сравняются решения при переводе фразеологических единиц, традиционно представляющих особые трудности для переводчиков художественной литературы [Влахов, Флорин 1980: 179], каламбуров и авторских неологизмов. Рассматриваются варианты перевода имен собственных, большую часть которых составляют «говорящие» имена. Особое внимание уделено репрезентации персонажей женского пола и передаче гендерных стереотипов в каждом переводе. Как оказалось, этот аспект английского текста вызвал у переводчиков серьезные трудности.

За пределами исследования остаются переводы экранизаций и их многочисленных продолжений. Также не рассматриваются переводы адаптаций мультфильма: новеллизаций, альбома наклеек и детских графических романов.

Детский роман английской писательницы, драматурга, сценаристки Дороти Глэдис «Доди» Смит (1986–1990) «Сто один далматин» («The Hundred and One Dalmatians / The Great Dog Robbery») вышел в 1956 г. и выдержал несколько изданий в Великобритании и США. В 1961 г. в США появилась экранизация романа – мультфильм студии Уолта Диснея «One Hundred and One Dalmatians», которому роман обязан значительной долей популярности, а в 1996 г. – игровой фильм «101 Dalmatians». У романа есть продолжение «Новые приключения далматинцев» («The Starlight Barking», 1967), впервые опубликованное на русском языке в 2017 г. в переводе Т.Н. Чернышевой под названием «Новые приключения далматинцев».

Анализируемое произведение имеет напряженный сюжет, построенный по типу детективного романа. В его основе – поиски и спасение похищенных щенят, в которые включаются животные и люди. Его главные герои – Понго и Миссис – супружеская пара далматинов, которая отправляется в путешествие по Англии с целью найти и вернуть домой своих пропавших щенят. Они обнаруживают, что щенят похитила бывшая одноклассница их хозяйки Круэлла де Вил, чтобы сделать из их шкурок меховую одежду. Также оказывается, что в поместье Круэллы, где ее подручные держат щенят, томятся не только дети Понго и Миссис, но и множество других щенят-далматинов. Всех их ждет страшная участь. С помощью местных собак далматинам удается в последний момент вызволить и довести всех щенков до Лондона, где хозяева с радостью принимают их и оставляют у себя всю ораву. Мы узнаем, что часть спасенных щенят – это дети Пердиты, суки далматского дога с коричневыми пятнами, которая незадолго до пропажи щенят была спасена хозяйкой Миссис и принята в семью на правах кормилицы. Круэлла скрывается за границей, а ее поместье покупают хозяева Понго и Миссис, чтобы основать в нем «династию далматинов».

Ближе к финалу изможденных далматинов спасает от преследования фургон, который доставляет их почти к самому дому хозяев; собаки называют его «чудом». Домой собаки возвращаются в сочельник. Таким образом, роман продолжает традиции популярного в англоязычной литературе жанра рождественского рассказа (Christmas story) со счастливым концом.

1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕВОДОВ

Роман ждал встречи с русскоязычными читателями тридцать шесть лет. Его переводы стали появляться только в 1990-е гг., во времена коммерциализации книгоиздания. В большинстве переводов обращает на себя внимание отсутствие или небрежность редакторской правки, а также несоответствие языка высоким стандартам перевода англоязычной литературы для детей, заданным переводчиками советской эпохи.

На текущий момент существует четыре перевода романа на русский язык.

Первым появился перевод филолога-скандинависта, литературного критика, специалиста по детской литературе Ольги Николаевны Мязотс (р. 1959) «Сто один далматский дог» – в 1992 г., в издательстве «Олимп», тиражом 50 000 экземпляров. «Сто один далматский дог» – первый перевод О.Н. Мязотс. Он был переиздан в 2004 г. московским издательством «Глобулус» тиражом 7 000 экземпляров.

Год спустя вышел перевод издательства «Алкиной Лимитед» (без указания имени переводчика) «Сто один далматин» (1993, тираж 1000000 экземпляров). В этом издании содержится также оригинальный текст романа, приведенный по первому английскому изданию 1956 г. Сведений о переизданиях данного перевода не обнаружено.

В 1997 г. в московском издательстве «Сантакс-Пресс» тиражом 30 000 экземпляров вышел перевод Н. Чупеева «Сто один далматин», который переиздавался четырежды вплоть до 2006 г. (переиздания 1999, 2002, 2003, 2006).

В 2005 г. в санкт-петербургском издательстве «Амфора» тиражом 4000 экземпляров выходит перевод Татьяны Николаевны Чернышевой «Сто один далматинец». В последние пятнадцать лет разными издательствами переиздается только он (2012, 2016, 2017, 2018, 2020), причем каждый раз механически из предыдущих изданий переносятся многочисленные пунктуационные ошибки, оставляя впечатление невычитанного текста:

– *Я не очень хорошо помню плохо нахожу* (sic!), где право, где лево, – призналась Миссис [Смит 2016: 57].

В анонимном переводе издательства «Алкиной Лимитед» попадают досадные оплошности – к примеру, неверный перевод межъязыковых паронимов (т. н. «ложных друзей переводчика»):

The prettiest of all the girls was the tiny pup whose life Mr Dearly had saved at birth, but she was very small and delicate [Смит 1993: 247];

Самой симпатичной оказалась та маленькая и деликатная девочка, которую спас мистер Милоу [Там же: 41];

Pongo... was looking particularly intelligent, and said anyone would think he understood [Там же: 240];

Понго... выглядел в этот момент очень интеллигентно, всем своим видом показывая любому разумному существу, что он тоже может мыслить [Там же: 34].

Девятки в переводе «Алкиноя» по неизвестной причине последовательно превращаются в восьмерки. Так, в оригинале кошка Лейтенант Уиллоу говорит, что у нее может быть девять имен, так как у нее девять жизней – «*I'm entitled to nine names as I've nine lives*» [Там же: 304]; в переводе «Алкиноя» и имен, и жизней у нее восемь [Там же: 105]. Девятичасовой вечерний лай (*Nine O'clock Barking*) [Там же: 277] становится восьмичасовым [Там же: 74].

Часто встречаются контекстуальные (заместительные) синонимы в тех случаях, когда в оригинале используется имя или третьеличное местоимение для обозначения хорошо знакомого читателям персонажа:

...*she* picked it up and carried it [Там же: 238];

Тогда *женщина* взяла ее на руки и отнесла в машину [Там же: 32];

Then *he* looked down to see what had bumped him and saw a steady stream of black pups... [Там же: 384];

Человек опустил глаза вниз и увидел сплошной поток черных щенков [Там же: 196].

Встречаются и просто странные переводческие решения, как, например, использование глагола *выкрашиваться* в значении ‘крошиться, разрушаться’ при наличии в русском языке полностью омонимичного глагола со значением ‘быть выкрашенным’:

...and he dragged and dragged until he thought his teeth *would break* [Там же: 330];

Он тянул и тянул рукоятку вверх, пока ему не стало казаться, что у него *выкрашиваются* зубы [Там же: 135].

Так, читательнице, выросшей на этом переводе, в детстве не приходило в голову, что глагол в данном контексте употреблен в первом из приведенных значений.

В целом перевод не производит впечатления текста, прошедшего редакторскую правку.

У перевода Н. Чупеева несколько сентиментальный, задушевный тон (к примеру, Миссис в нем регулярно с искренним сочувствием именуется *молодой мамой*).

Но в переводе Чупеева много пропусков, причину которых понять сложно. В ряде случаев пропущены целые сцены. Иногда это совсем небольшие диалоги, не влияющие на сюжет, иногда довольно важные для понимания развития сюжета сцены объемом в несколько страниц.

Так, в первой главе пропущен небольшой диалог Нянюшек о том, стоит ли одной из них носить брюки и становиться горничной. В девятой – трогательная сцена в поместье эпизодического персонажа, старика сэра Чарльза, когда он принимает Понго и Миссис за призраков тех Понго и Миссис, что были дружны с ним в детстве, и размышляет о близкой смерти. В четырнадцатой главе пропущена напряженная сцена в цыганском таборе, когда далматины чуть было не попали в ловушку. В пятнадцатой – размышления Понго в фургоне по пути в Лондон и предложение Стаффордширского терьера вместе убить Круэллу. В семнадцатой главе пропущена комическая сцена коллективного купания и кормежки сотни собак, в восемнадцатой – слова хозяина Понго о том, что пора основать династию людей для присмотра за династией далматинов.

Если большую часть этих пропусков можно объяснить тем, что в детской книге не место смерти, убийствам, планированию семьи, неполиткорректному изображению цыган, то пропуск сцены купания вынуждает сотню собак лечь спать выпачканными в сажу и голодными (а утром, очевидно, выпачкать сажой весь дом).

Пять изданий свидетельствуют о постоянном спросе на книгу. Таким образом, на протяжении восьми лет (с 1997 по 2005 г.) читателям был доступен значительно сокращенный перевод романа, причем нигде в книге не указано, что он сокращенный.

В переводе Т. Чернышевой встречаются сомнительные переводческие решения (приведенные ниже примеры взяты из стилистически нейтральной авторской

речи) как в лексике, так и в синтаксисе: собаки съедают *несколько припрятанных с вечера печенин* [Там же: 42] и смотрят на хозяев *томным взглядом* [Там же: 4] – в оригинале *soulfully* [Смит 1993: 217].

Регулярно используется глагол *одеть* в значении *надеть*: *Миссис нужно одеть пальтишко* [Смит 2016: 34]; *им обоим одели их замечательные ошейники* [Там же: 34].

Последовательно употребляется местоимение *какой* в контекстах, где стилистически нейтральным было бы *такой... какой / который / вроде такого, как...*: *привели собаку, какую они искали* [Там же: 20]; *раздобыв информацию, какую хотел получить* [Там же: 39]; *рогулька, какой в камине подправляют поленья* [Там же: 61].

Пропуск местоимения *ей* приводит к тому, что собака, подойдя к хозяйке, кладет голову не на ее, а на собственные колени:

Она подошла, положила голову на колени и тихо заскулила [Там же: 29].

Используется характерное для английского, но несвойственное литературному русскому языку предшествование анафорического местоимения в придаточном предложении антецеденту в главном предложении:

С тех самых пор, как они вышли из дому, Понго и Миссис удалось попить всего раз [Там же: 46] – причем в данном случае это не непосредственная калька: *Pongo and Missis had only had one drink since they left home* [Там же: 274].

Четыре человека, три взрослые собаки и пятнадцать щенят в сумме дают двадцать пять (а не двадцать два, как можно было бы подумать):

Сон приснился всем членам этого семейства, которых общим числом, считая людей, щенков и собак, стало двадцать пять, отчего их дом превратился в ту ночь в самый сонный дом во всем в (sic!) Лондоне [Смит 2016: 26].

При этом в оригинале обитатели дома не подсчитываются:

What with four humans, three dogs, and fifteen puppies, it really was a very sleep-full house [Смит 1993: 246].

Как и в предыдущих переводах, в переводе Чернышевой есть небольшие сокращения (как правило, пропускаются одно-два предложения); однако изредка в нем присутствуют те фрагменты, которые были пропущены в остальных переводах.

2. ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В данном разделе последовательно будут рассмотрены варианты перевода зоонимов (кличек далматинов, кличек, названий и прозвищ помогавших им собак других пород, кошек и коров), а также антропонимов, топонимов, эргонимов (название телепередачи) и окказиональных авторских онимов (названия вечернего лая). Почти все имена в романе говорящие. Это не только клички животных, указывающие на особенности их внешности или поведения (*Lucky, Roly Poly*), но и фамилии (реже имена) людей, ясно дающие понять маленькому читателю, зол или добр носитель такого антропонима (*Dearly, Cruella de Vil, Badduns*). Некоторые персонажи даже выбирают профессию, исходя из семантики собственной фамилии (*Nanny Butler, Nanny Cook*).

Один из двух главных героев, выдающийся ум собачьего мира *Pongo*, остается Понго во всех переводах. Однако лишь в переводе Чернышевой сохранено авторское пояснение, предшествующее основному тексту романа: «Понго – старинное (до 1834 г.) английское название орангутангов – означает “прыгун”» [Там же: 2].

Его супруга *Missis* остается *Миссис* во всех переводах, кроме «Алкиноя», где становится *Дамкой*. Таким образом, теряется шутка оригинала, в котором Миссис, выйдя замуж за Понго, становится, в соответствии с традицией именованья замужних женщин в англоязычных странах, Миссис Понго:

Not long ago, there lived in London a young married couple of Dalmatian dogs named Pongo and Missis Pongo. (Missis had added Pongo's name to her own on their marriage, but was still called Missis by most people.) [Смит 1993: 217].

Не так давно жила в Лондоне молодая семейная пара собак-далматинцев, которых звали Понго и Дамка Понго. (После замужества Дамка присоединила к своему имени имя супруга, но большинство людей по-прежнему называли ее просто Дамкой.) [Там же: 7].

Щенкам Миссис находят кормилицу – юную мать, суку далматского дога с коричневыми пятнами. Ей дают имя *Perdita* из «Зимней сказки» Шекспира. Такое имя сразу сообщает взрослому читателю, что у найденной собаки печальная история и, видимо, со счастливым концом; действительно, вскоре Пердита рассказывает Понго трогательную историю своей несчастной любви и утраты щенят, а в финале обретает потерянного возлюбленного, которого, оказывается, зовут *Prince* (и во всех переводах он остается *Принцем*).

Переводчики, как правило, стремились избежать неблагозвучного имени. В переводе Мязотс *Пердита* заменена на *Периту*. В переводах «Алкиноя» и Чернышевой собаку зовут *Пэдди* (возможно, под влиянием анимационной экранизации 1961 г., где так зовут супругу Понго), в переводе Чупеева – *Пэдита*.

Поведав Понго свою историю, Пердита умалчивает только об имени, которым ее называл прежний хозяин – черствый и бездушный фермер: новое имя нравится ей гораздо больше. Ее прежняя кличка – *Spotty* – в переводе Мязотс звучит как *Рябая*, у «Алкиноя» – *Пятнуха*. Варианты Чупеева и Чернышевой более нежны: *Пятнашка* и *Пятнышко*. Трудно представить, чтобы такую ласковую кличку дал собаке хозяин, моривший ее голодом.

Сына Понго и Миссис с пятном в форме подковы на спине *Lucky* во всех переводах зовут *Счастливчик*. Его неуклюжий смешной брат *Roly Poly* остается *Ролли-Полли* (правда, отчего-то с двумя л) в переводах Мязотс и «Алкиноя»; у Чупеева он *Коротышка*, у Чернышевой – *Пудинг*.

Их слабенькая сестра *Cadpig* при рождении не дышала, но ее удалось вернуть к жизни. Значение ее имени так объясняется в оригинале:

When pigs have families, the smallest, weakest piglet is often called the cadpig. Mr Dearly always called the tiny puppy "Cadpig", which can be a nice little name when spoken with love [Там же: 247–248].

Только в переводе Чернышевой сохранен этот фрагмент и произведена попытка увязать с ним кличку щенка:

В деревнях, когда у свиньи рождаются поросята, самому последнему поросенку, который обычно рождается маленьким и слабым, нередко дают прозвище Охвостыш. Мистер Душечка вдруг вспомнил об этом и предложил, несколько изменив это имя, назвать малышку Хвостиком – так что получилось очень даже ласково [Смит 2016: 27].

В переводе «Алкиноя» ее зовут *Кроха*:

Ее назвали Кроха, как обычно называют самых младших и слабых членов семьи [Смит 1993: 41–42].

В переводе Чупеева это *Пуся*, а у Мяэотс слабенькая девочка становится слабеньким мальчиком по имени *Последыш* – физический пол щенка меняется в соответствии с грамматическим родом имени:

Мистер Милни стал любовно называть его Последышем, как самого слабенького [Смит 1992: 39].

Крупный мальчик *Patch*, родившийся с черным ушком, в переводе «Алкиноя» – *Черноух*, у Чупеева – *Клочок*. В переводах Мяэотс и Чернышевой он становится *Кляксой*, причем у Мяэотс это девочка – вновь пол щенка изменен, чтобы соответствовать грамматическому роду зоонима.

Люди, считающие себя хозяевами Понго и Миссис, а на самом деле – их питомцы (собаки в книге считают людей своими питомцами), носят в оригинале фамилию *Dearly*. Все переводчики постарались передать внутреннюю форму антропонима, причем Мяэотс и переводчик «Алкиноя» использовали один и тот же русский корень, придав фамилии «английское» звучание с помощью различных иностранных формантов (мистер и миссис *Милни* и *Милоу* соответственно), а Чупеев и Чернышева не сочли необходимым дополнительно подчеркивать «английскость» хозяев собак: в этих двух переводах хозяева собак носят фамилию *Дорогуши* и *Душечки* соответственно. Таким образом, в данном случае применены обе словообразовательные модели перевода на русский язык значимого имени собственного [Виноградов 2001: 164]: создание «говорящей» фамилии на языке перевода посредством чистой основы и прибавлением к основе ономастического форманта.

Старые няни питомцев, *Nanny Butler* и *Nanny Cook*, едва познакомившись, решают освоить профессии, соответствующие фамилиям, чтобы вдвоем вести хозяйство молодоженов:

“What a pity we’re not a real cook and butler”, said Nanny Cook.

“Yes, that’s what’s needed now”, said Nanny Butler.

And then they both together had a Great Idea: Nanny Cook would train to be a real cook and Nanny Butler would train to be a real butler [Смит 1993: 218–219].

Наиболее удачен в данном случае перевод Мяэотс: *Нянюшка Дворецкая* и *Нянюшка Кок*. Во всех остальных переводах также обыграны говорящие фамилии, но элемент *Nanny* просто транслитерирован в ничего не говорящее русскоязычному читателю *Нанни* и *Нэнни*. Так, в переводе «Алкиноя» нянюшек зовут *Нанни К. Мердинер* и *Нанни Кок*, в переводе Чернышевой – *Нанни Мажордом* и *Нанни Кок*; у Чупеева нянюшки «понижены» до *Нэнни Горничной* и *Нэнни Кухарки*.

Антагонистка *Cruella de Vil*, похитительница щенят Понго и Миссис, в оригинале носит «говорящие» имя и фамилию, что отмечают сами персонажи:

“What a strange name ‘de Vil’ is”, said Mr Dearly. “If you put the two words together, they make “devil”. Perhaps Cruella’s a lady-devil!” [Там же: 228]

В переводе Чернышевой ее имя транслитерировано – *Круэлла де Вил*. Остальные переводчики стремились оставить фамилию и имя «говорящими»: у Мяэотс она – *Лютелла д’Явол*, у «Алкиноя» – *Мерзелла Д’Яволь*, у Чупеева – *Страшиндия Дьявол*.

Двух подручных Круэллы, присматривающих за щенками в ее поместье, *Saul and Jasper Badduns*, в переводе Мяэотс зовут *Саул и Джаспер Негодяйло*; у «Алкиноя» они – *Саул и Джаспер Негода*, у Чупеева – *Сол и Джаспер Злыдни*, у Чернышевой – *Сол и Джаспер Плоходело*.

Остальные, не «говорящие», антропонимы романа не дают вариативности в переводах. Так, престарелый питомец Спаниеля *Sir Charles* во всех переводах остается сэром Чарльзом, его дворецкий *John* – Джоном, маленький питомец Полковника *Tommy Tompkins* – Томми Томпкинсом, грузчики *Bill* и *Jim* – Биллом и Джимом.

У собак, помогающих Понго и Миссис в поисках щенков, как правило, не указаны клички, только породы. Тем не менее названия пород в романе пишутся с главной буквы, что позволяет воспринимать их как имена собственные. Это (в порядке появления в тексте) *Great Dane*, *Cairn*, *Pomeranian*, *Poodle*, *Boxer*, *Pekinese*, *Golden Retriever*, *Spaniel*, *Corgi from the Post Office*, *Collie*, *red Setter* и *Staffordshire Terrier*. Примечательно, что минимум половина представленных пород – островные британские, знакомые юным читателям-англичанам, но, судя по разнообразию вариантов перевода, отнюдь не переводчикам книги на русский язык.

Great Dane – немецкий дог из Хэмпстеда – по его словам, располагает сетью знакомств по всей Англии. Он приободряет Понго и Миссис и уверяет их, что раздобудет информацию о щенках. (Это соответствует характеру породы: общительная, спокойная и уверенная.) Во всех переводах гладкошерстный великан Немецкий дог меняет породу на несуществующую и становится Датским Догом (в переводе Чернышевой – Большим Датским Догом, или Датчанином, как его называет Понго).

Cairn (сука керн-терьера) помогает доставить чете далматинов сообщение Полковника о том, что их щенята нашлись:

One sharp-eared Cairn saved the chain from breaking by picking up a bark from nearly a mile away, and then almost bursting herself getting it on to the dog next door [Там же: 263].

В переводах «Алкиноя» и Чупеева эта маленькая жесткошерстная собака становится борзой, у Чернышевой – ценной овчаркой. В переводе Мязотс она также меняет пол и становится просто «чутким псом».

Pomeranian – сука померанского шпица – во всех переводах становится кобельком Шпицом.

Golden Retriever – золотистый ретривер с постоянного двора – в переводах «Алкиноя» и Чернышевой становится Золотым Ретривером. У Мязотс он – Золотой Ретривьер, у Чупеева – Золотой сеттер. Ни один из этих вариантов не является названием реально существующей породы.

Галантный старичок *Spaniel* во всех переводах остается Спаниелем, *Collie* – Колли (правда, в переводе Мязотс кобелек Колли становится красавицей Колли), *Poodle*, *Boxer*, *Pekinese* – Пуделем, Боксером и Пекинесом.

Юная сука ирландского сеттера (*red Setter*) у Мязотс и «Алкиноя» становится кобельком красным Сеттером, у Чупеева – Сеттером красно-коричневого окраса (также кобельком); у Чернышевой это просто Сеттер (подробнее переводческие стратегии описания этого персонажа будут рассмотрены в разделе 3).

Corgi from the Post Office (сука вельш-корги), доставившая Понго и Миссис свежую газету, остается Корги только в переводе Чернышевой. В переводе Мязотс это пес-почтальон, у «Алкиноя» – просто пес, в переводе Чупеева – дворняга. Таким образом, еще одна островная порода утрачена почти во всех переводах.

Staffordshire Terrier (стаффордширский бультерьер) разъезжает в кузове грузового фургона, сопровождая своих питомцев – грузчиков Билла и Джима. В переводе Мязотс это Стаффордширский Буль-терьер, в остальных – Стаффорд-

ширский Терьер (у Чернышевой также просто *Стаффордшир*). В соответствии со стандартом породы, это умный, надежный, вежливый и очень подвижный пес. Его кличка остается неизвестной героям и читателю, но питомцы постоянно награждают его прозвищами, подчеркивающими его прыгучесть и неуемную активность:

<i>Canine Cannon Ball</i>	в пер. Чернышевой – <i>Снаряд</i> , в остальных пер. – <i>Пушечное Ядро</i> .
<i>Self-launched Bomb</i>	в пер. Мязотс – <i>Реактивный Снаряд</i> , в пер. «Алкиноя» – <i>Самонаводящаяся Бомба</i> , в пер. Чупеева – <i>Самоходная Бомба</i> , в пер. Чернышевой – <i>Самозапуск</i> .
<i>Flying Saucer</i>	в пер. Чернышевой – <i>колбаса летучая</i> , в остальных пер. – <i>Летающая Тарелка</i> .
<i>Misguided Missile</i>	в пер. Мязотс и «Алкиноя» – <i>Неуправляемая Ракета</i> , в пер. Чернышевой – <i>Неуправляемый снаряд</i> , в пер. Чупеева на этом месте пропуск.
<i>old Battering Ram</i>	в пер. Мязотс – <i>Стенобитный Таран</i> , в пер. «Алкиноя» – <i>старый Боевой Таран</i> , в пер. Чупеева – <i>реактивная псина</i> , в пер. Чернышевой – <i>Боевой Таран</i> .

Сами далматины (*Dalmatians*) в переводах Мязотс и Чернышевой названы *далматинцами* (тем не менее роман в переводе Мязотс называется «101 *далматский дог*»), у «Алкиноя» – *Далматинскими догами* (хотя название романа ритмически удачно переведено как «*Сто один далматин*»), у Чупеева – *далматинами*. В романе присутствует еще одно, устаревшее название породы, относящееся к тем временам, когда далматины бегали за каретами, – *Coach Dogs* или *Carriage Dogs*. У Мязотс это *почтовые собаки*, у «Алкиноя» – *Каретные Собаки*, у Чупеева – *экипажные собаки*, у Чернышевой – *каретники*.

Единственная собака-помощник, чья кличка называется в романе, – это *English Sheepdog* (бобтейл) по имени *Colonel*. Этот персонаж играет важную роль в сюжете. Именно он передает вечерним лаем информацию о найденных щенках; он учит Понго отпирать зубами засов, продумывает план побега, обеспечивает беглецов тележкой для перевозки слабых щенят и задерживает преследователей.

В переводе Мязотс это просто *Овчарка*, в остальных переводах пастушеская собака становится *Волкодав* (у «Алкиноя» это *Английский Волкодав* – снова несуществующая порода). Кличка пса переведена как *Полковник* без каких-либо вариантов. Когда же Полковник, непрестанно раздающий всем своим товарищам воинские звания, производит себя в бригадные генералы (*Brigadier-General*), в переводе «Алкиноя» он становится *Генерал-Майором* (это следующее по старшинству после полковника звание в системе воинских званий Российской Федерации, в которой звание бригадного генерала отсутствует). В переводе Чупеева он становится *Генералом* (по всей видимости, здесь имеет место не повышение сразу на четыре звания, а сокращение для простоты, ср. обиходное употребление прилагательного *генеральский* применительно ко всем званиям, имеющим такой компонент).

Помощница Полковника, полосатая фермерская кошка, носит сразу два имени: “*You can call me Tib. My real name’s Pussy Willow, but that’s too long for most people – a pity, really, as it’s a name I could fancy*” [Там же: 300].

Понго сразу же начинает называть ее *Mrs Willow*. Это сердит Полковника: по его мнению, у кошки и так достаточно имен (включая звание лейтенанта):

“What’s this Mrs Willow business?” said the Colonel suddenly.

“Pussy Willow happens to be my given name”, said the cat. “And I’m certainly a Mrs.”

“You’ve got too many names”, said the Colonel. “You’re ‘Puss’ because all cats are ‘Puss’. You’re ‘Pussy Willow’ because it’s your given name. You’re ‘Tib’ because most people call you that. I call you ‘Lieutenant’ or ‘Lieutenant Tib’. I thought you liked it.”

“I like ‘Lieutenant’ but not ‘Lieutenant Tib’”.

“Well, you can’t be ‘Mrs Willow’ on top of everything else. You can’t have six names.”

“I’m entitled to nine names as I’ve nine lives”, said the cat. “But I’ll settle for ‘Lieutenant Willow’ – with ‘Puss’ for playful moments” [Там же: 304].

Имя *Tib* во всех переводах просто транслитерировано: *Тиб*.

Имя *Pussy Willow*, данное кошке за стройные лапки, в переводе Мязотс транслитерировано (*Пусси Уиллоу*); в переводе «Алкиноя» это *Ивушка*, у Чупеева – *Вербочка*, у Чернышевой – *Пусси Пруттик*.

Имя *Puss*, которое упоминает Полковник в своем гневном монологе, в переводе Мязотс передано как *Пусси*; в переводе «Алкиноя» Полковник называет кошку то *миссис*, то *киска*, у Чупеева – *Кисуня*, у Чернышевой – *Пуська*.

Белая персидская кошка Круэллы (*white Persian Cat*), в отличие от деревенской кошки, в оригинале не имеет клички и во всех переводах остается *белой персидской кошкой*.

По пути в Лондон далматины делают стоянку в хлеву. Две старшие коровы (*head cows, Blossom and Clover*) любезно объясняют голодным щенятам, как добыть из коров молоко. В переводе Мязотс это *старшие коровы Ромашка и Кашка*, у Чупеева – *две главные коровы, Цветик и Клевер*; у Чернышевой – *две старшие коровы по имени Цветочек и Клевер*. У «Алкиноя» же коровы становятся быками – *вожаками стада по имени Клевер и Цветок* (возможно, в силу родовой принадлежности выбранных переводчиком имен). Последнее решение выглядит курьезно, так как ни давать молоко, ни инструктировать щенят в вопросах дойки быки, естественно, не могут.

Понго и Миссис со своими питомцами живут в Лондоне, в домике у Риджентс-парка (*Outer Circle of Regent’s Park*). В переводе Мязотс это окраина Риджент-парка, у «Алкиноя» – *Внешнее Кольцо Риджент-парка*, у Чупеева – *бульвар рядом с Риджентским парком*, у Чернышевой – *Большое кольцо Риджент-парка*.

Далматины с питомцами отправляются к ветеринару в район Лондона *St John’s Wood*, названный в честь Ордена св. Иоанна (Order of Knights of the Hospital of Saint John of Jerusalem), которому ранее принадлежал находившийся там лес. В переводе Мязотс название района транслитерировано – *Сент-Джонс-Вуд*; у Чернышевой транслитерация сочетается с труднообъяснимым изменением: *Сент-Джейм-Вуд*. У «Алкиноя» топоним наполовину переведен, наполовину транслитерирован: *Сент-Джонский лес*. У Чупеева название района переведено полностью: *Лес Святого Джона*. С данным переводческим решением трудно согласиться: ведь леса как такового давно нет, а святого Джона и вовсе никогда не существовало.

Когда щенят похищают, Понго и Миссис выбирают для сеанса связи с собачьим миром пологий холм *Primrose Hill*, расположенный по другую сторону Риджентс-канала от Риджентс-парка. В переводе Мязотс это *холм Первоцветов*, у «Алкиноя» – *холм Примул*, у Чупеева – *холм Первоцвет*, у Чернышевой – *Первоцветная горка*.

К поискам щенят подключаются все собаки Англии. В оригинале совокупность собак обозначена термином *Dogdom*, который у Мязотс по аналогии с *Kingdom* переведен как *Собачье Королевство*, у «Алкиноя» и Чернышевой – *Собачий мир*.

В сумерках весть о пропавших щенках распространяется по всей стране. Для собачьего лая в сумерках в романе используются два синонимичных термина – *Dog's Barking Time* и *Late Twilight Barking*. В переводе Мязотс это *Собачий телеграф* и «лай в сумерках», у «Алкиноя» – *Сумеречный лай* и *Поздний Сумеречный лай*. Чупеев переводит оба термина одинаково – *Вечерний лай*, Чернышева также – в ее переводе это *Собачий час*.

Придя на холм следующим вечером, далматины узнают, что щенята находятся в Саффолке (*Suffolk*), и пытаются объяснить это своим питомцам, медленно и отчетливо лая: *wuf-wuffolk!* Все переводы, кроме Чернышевой, дают написание *Суффолк*; при этом у Мязотс попытка собак произнести название графства звучит как «гав-гав-гуффолк!», у «Алкиноя» – «вуф-вуф-вуффолк!», у Чупеева – «гав, гав, гавфолк!» В переводе Чернышевой щенята увезены в Саффолк, а далматины лают «гаф, гаф, гаффлк!»

Понго и Миссис отправляются в путь. На рассвете они оказываются в деревне *Epping Forest* в графстве Эссекс, где проводят день на постоялом дворе у Золотистого Ретривера. Название деревни в переводах Мязотс и «Алкиноя» звучит как *Эппинг-Форест*, у Чернышевой – *Иппинг-Форест*; у Чупеева на этом месте пропуск.

Двое суток спустя собаки пересекают реку Стур (*River Stour*) и оказываются в графстве Саффолк, в городке Садбери (*market town of Sudbury*), где пьют из фонтана на рыночной площади. Переводчики транскрибируют название реки по-разному: у «Алкиноя» это *река Стоур*, у Чупеева – *река Стоу*, у Чернышевой – *река Стаур*. В переводе Мязотс это просто *река*. Город остается *Садбери* во всех переводах, кроме Чернышевой, где становится *Садберри*.

Далматинов встречает полосатая кошка и отводит в заброшенную башню *Folly*. У Мязотс это *Башня-Монстр*, у «Алкиноя» – *Причуда*, у Чупеева и Чернышевой – терминологически точный *Каприз*. Там Полковник рассказывает Понго и Миссис историю находящегося неподалеку поместья Круэллы – *Hell Hall*. Оказывается, изначально это была ферма Хилл-Холл, названная в честь владельца, фермера по фамилии Хилл, а затем дом выкупили предки Круэллы, и из дома с тех пор слышались странные и пугающие звуки.

Hell Hall had once been an ordinary farm-house named Hill Hall – it had been built by a farmer named Hill [Там же: 306].

В переводе Мязотс это *Адский Замок* или *Адское поместье*. Прежнее название дома и фамилия первого владельца остаются без изменений.

В переводе Чупеева *Чертов Дом*, или *Преисподняя*, был построен «фермером по имени Хоулм» и назывался *Дом на Холме*. Здесь переводчик пытается и перевести «говорящую» фамилию владельца, и обыграть ее в названии дома.

Остальные переводчики стремятся связать нынешнее название дома с прежним, из-за чего с фермером происходят метаморфозы.

Так, в переводе «Алкиноя» *Адский дом* ранее назывался *Арс-Холл* (видимо, смена названия произошла по созвучию *адс* – *арс*), а фермер носил фамилию *Арс*.

В переводе Чернышевой прежнее название дома мотивировано не фамилией хозяина, а садами:

Когда-то давно был Ад-Холл обыкновенной фермой, и назывался он тогда: Сад-Холл, потому что его хозяин разбил здесь прекрасный сад [Смит 2016: 73].

Далматины узнают, что в поместье щенки находятся под присмотром двух подручных Круэллы. Пока те смотрят свою любимую телепередачу “*What’s My Crime?*”, Понго и Миссис удастся тихо вывести всех щенят. У Мязотс и Чупеева название передачи переведено как «*В чем мое преступление?*», у «Алкиноя» – «*Раскрой преступление*», у Чернышевой – «*Угадай, что я сделал?*»

3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Двое щенят Понго и Миссис – слабенькая девочка *Cadpig* и крупный мальчик *Patch* – дружат с первых дней жизни:

Patch, the pup born with a black ear, was still the biggest and strongest puppy. He always seemed to be next to the Cadpig, as if these two already knew they were going to be special friends [Смит 1993: 247–248].

Чупеев считает необходимым подсветить гендерные роли в этой дружбе:

А вы не забыли щенка, который родился с черными «заплатами» на ушах? Так вот, он вырос самым большим и сильным щенком. Из-за этих пятен на ушах его прозвали «Клочок». Он повсюду ходил за Пусей, оберегая ее. Они стали самыми настоящими неразлучными друзьями [Смит 1997: 34].

Чернышева убирает упоминание о дружбе и идет еще дальше в распределении гендерных ролей – у нее Клякса берет Хвостика под свою защиту:

Самым крупным и сильным так и остался щенок с черным пятном на ухе, за которое того прозвали Кляксой. Клякса старался не отходить от Хвостика, будто взял ее под свою защиту [Смит 2016: 27].

В переводе Мязотс щенята, как было сказано выше, поменяли пол – теперь это слабенький мальчик *Последыш* и сильная девочка *Клякса*:

Самым милым мальчиком оказался тот, которого спас мистер Милни. Он был такой маленький и беспомощный. Мистер Милни стал любовно называть его Последышем, как самого слабенького. <...>

Клякса – девочка, родившаяся с черным ушком, по-прежнему оставалась самой крупной и сильной. Ее часто можно было видеть вместе с Последышем, как будто они предвидели, что станут неразлучными друзьями [Смит 1992: 39].

Хозяйка Миссис в оригинале вовсе не так резко противопоставлена эмансипированной Круэлле, как в экранизации 1961 г.: она водит машину, на ночь глядя отправляется одна в полицейский участок за собакой-кормилицей. В романе не сказано, работала ли она до замужества и если да, то кем, но школьное образование она получила неплохое, судя по тому, что она дает найденной собаке имя одной из героинь «Зимней сказки» Шекспира – *Пердита* – и попутно дает прислуге краткую справку о его латинской этимологии:

– We’ll call her Perdita, said Mrs Dearly, and explained to the Nannies that this was after a character in Shakespeare. “She was lost. And the latin word for lost is ‘perditus’” [Смит 1993: 240].

В переводе Мязотс, как было сказано выше, *Пердита* заменена на *Периту*. Отсылки к Шекспиру и этимологические выкладки, в которых более нет нужды, пропущены (для этого перевода в принципе характерны небольшие купюры):

– Мы назовем ее Перита, – сказала миссис Милни [Смит 1992: 32].

В переводе «Алкиноя» право имянаречения присваивает *мистер* Милоу – хозяин Понго. Имя «Пердита» также не появляется – в этом переводе собаку зовут *Пэдди*. Правда, в сочетании со стремлением переводчика избежать какой бы то ни было конкретики объяснения мистера Милоу звучат несколько водянисто:

– Мы назовем ее *Пэдди*, – сказал *мистер Милоу*. Служанкам он объяснил, что имя собаке он дал в честь одного из персонажей Шекспира, который тоже потерялся. После этого он еще долго говорил о том, что это имя является сокращением от латинского слова, означающего пропажу. Он долго разглагольствовал на эту тему... [Смит 1993: 34].

В переводе Чупеева Шекспир у хозяйки собак – «горячо любимый», а латыни она не знает:

– Мы назовем ее «*Пэдита*», – заявила *миссис Дорогуша* и объяснила, что хочет дать ей это имя в честь одного из персонажей горячо любимого ею Шекспира [Смит 1997: 28].

Только перевод Чернышевой здесь более-менее следует оригиналу, хоть и содержит неточности («Зимняя сказка» – не сказка, и лат. *perdita* не означает «найденный»):

– Назовем ее *Пердита*, а коротко – *Пэдди*, – сказала *миссис Душечка* и объяснила обеим *Нанни*, что так звали девочку в сказке *Шекспира*. – Та девочка потерялась, а потом ее нашли. И назвали так, потому что по-латыни это слово означает «найденный» [Смит 2016: 22–23].

В трех переводах из четырех эпизодический персонаж – юная сука ирландского сеттера – становится кобельком и только в переводе Чернышевой остается сукой в соответствии с оригиналом (правда, она мчится по снегу, который в оригинале выпал на две страницы позже):

Soon a graceful red Setter came dashing towards them [Смит 1993: 359].

Вскоре показалась изящная рыжая красавица Сеттер, стремглав летевшая к ним по выпавшему снегу [Смит 2016: 111].

Сеттер – единственная «говорящая» сука, помогающая Понго и Миссис в спасении щенят. Все остальные помощники, вступающие с ними в диалог, – кобели: Датский Дог, Золотистый Ретривер с маленьким сыном, Спаниель, бобтейл Полковник, Колли и Стаффордширский Терьер. И если маленький читатель русских переводов, особенно при первом прочтении, вряд ли заметит, что собачий мир Англии в книге представлен почти исключительно самцами, то подросток уже может недоумевать.

Сеттер в оригинале наделена стереотипными «женскими» чертами: она очень эмоциональна, легко поддается панике; Понго с неодобрением отзывается об ее умственных способностях.

Она единственная собака из встретившихся далматинам, чье изящество и грациозность автор считает необходимым подчеркнуть. В оригинале она заняла первое место на выставке собак:

“There’s no dog in the bakery, so I was chosen to arrange everything – because I took first prize in a Dog Show” [Смит 1993: 359].

В переводе Чернышевой выставка стала конкурсом красоты, что поддерживает стереотип «красивые женщины глупы»:

Булочник живет без собаки, и для подготовки встречи выбрали меня, потому что я заняла первое место на конкурсе красоты [Смит 2016: 111].

Сеттер единственная из всех помощников, хоть и не по своей вине, проваливает свою миссию: в булочной, где собаки ее деревни собрали провизию для далматинов, из-за неисправного дымохода начался пожар, и еда сгорела. Сеттер в отчаянии – она тревожится об уставших и голодных далматинах:

“There’s nothing for you to eat and nowhere for you to sleep”, moaned the poor Setter – she was hysterical [Смит 1993: 359].

Двое из трех переводчиков, сделавших Сеттер кобельком (Мяэотс и переводчик «Алкиноя»), трактуют прилагательное *hysterical* как сиюминутное психологическое состояние:

– *Мне нечем вас накормить и негде разместить на ночлег, – проскулил Сеттер почти в истерике [Смит 1992: 165];*

– *Вам нечего будет есть и негде спать, – рыдал несчастный Сеттер, который был на грани истерики [Смит 1993: 166].*

В переводе Чупеева кобелек Сеттер не столь эмоционален:

– *Боже мой! Что же делать?! Вам теперь нечего есть, негде спать! – сокрушался Сеттер [Смит 1997: 125].*

Перевод Чернышевой приписывает суке *истеричность* как постоянное качество и вновь делает акцент на ее внешности с помощью контекстуального синонима *красотка* (использование которого в данной драматической ситуации сложно признать уместным):

– *Есть нечего, спать негде, – проскулила несчастная красотка (как оказалось, она была несколько истерична) [Смит 2016: 111].*

Миссис храбра, великодушна, тактична; тем не менее она, как и Сеттер, воплощает расхожие стереотипы о женщинах: она не особо умна, весьма эмоциональна; когда необходимо извлекаться в сажу, чтобы скрыться от преследователей, Миссис медлит, не желая портить шубку. Она не различает право и лево и недоумевает, почему, стоит ей развернуться, то, что было слева, оказывается справа? Спаниель объясняет ей дорогу, и Миссис уточняет, где окажутся трубы поместья:

“Right or left?” asked Missis, brightly [Смит 1993: 290].

В переводах «Алкиноя» и Чернышевой наречие *brightly* трактуется как ироничная оценка умственных способностей Миссис, в соответствии со значением ‘живо, понятно, сметливо’:

– *Справа или слева? – спросила смышленная Дамка [Смит 1993: 89];*

– *Они будут справа или слева? – спросила у Спаниеля его блестящая ученица [Смит 2016: 59].*

В переводе Мяэотс Миссис встревожена и боится не отыскать снова дорогу в поместье:

Слева или справа? – озабоченно спросила Миссис [Смит 1992: 86].

В переводе Чупеева тревоги Миссис как не бывало. Она внезапно подхватывает игривый тон галантного Спаниеля:

– *Справа или слева? – лукаво спросила Миссис [Смит 1997: 73].*

В оригинале щенята-девочки из помета Миссис не так сильны и выносливы, как щенята-мальчики. На первом перегоне на пути из поместья в Лондон именно

девочки тяжело дышат, спотыкаются и делают передышки, в то время как мальчики «смело» идут вперед:

Lucky, Patch, Roly Poly, and the other boys struggled along bravely, but the girls stumbled and panted and had to have many rests [Смит 1993: 334].

Физиологически это ничем не обусловлено: и у собак, и у людей мышечная масса и выносливость неполовозрелых особей не коррелируют с полом (разумеется, если искусственно не ограничивать самок в перемещениях).

В этом фрагменте только перевод «Алкиноя» строго следует оригиналу:

Счастливчик, Черноух, Ролли-Полли и другие мальчики упрямо продвигались вперед, но девочки спотыкались, тяжело дышали и часто останавливались отдохнуть [Там же: 139].

Перевод Чернышевой идет еще дальше – в нем девочки сразу выдыхаются:

Счастливчик, Клякса, Пудинг и остальные их пятеро братьев, выбиваясь из сил, все-таки держались, а вот девочки выдохлись сразу и больше отдыхали, чем продвигались вперед [Смит 2016: 92].

В переводе Мязотс вместо мальчиков – «щенки покрепче» (среди которых и Клякса, которая у Мязотс, как мы помним, девочка), а «девочки» заменены на «тех, кто послабее»:

Счастливчик, Клякса, Ролли-Полли и другие щенки покрепче, – с ними все было в порядке, но те, кто послабее, то и дело спотыкались и останавливались передохнуть [Смит 1992: 138].

Еще последовательнее Чупеев – в его переводе «позади всех плетутся» все щенята четы Понго (самые младшие из сотни далматинов), независимо от пола:

Клочок, Коротышка и другие их братья и сестры плелись позади всех и часто останавливались [Смит 1997: 109].

4. ИГРА СЛОВ

Оказавшись в поместье, щенята бросают за стену старую кость с нацарапанной надписью S.O.S., которую находит овчарка Полковник. Видимо, они догадываются, что ожидает их в недалеком будущем, раз просят «спасти их шкурки»:

And he knew, though he kept this from Missis, that the S.O.S. on the old bone meant “Save Our Skins” [Смит 1993: 272].

Перевод Мязотс отталкивается от устоявшегося русского перевода аббревиатуры – «спасите наши души» (предполагается, что юный читатель с ним знаком):

И еще Понго знал, но не сказал об этом Миссис, что буквы на старой кости означали: «Спасите наши шкурки!» [Смит 1992: 65].

Остальные переводы так или иначе обыгрывают саму аббревиатуру:

Он не стал говорить Дамке, что расшифровал надпись С.О.С на старой кости. Эта надпись означала: «Спасите От Скорняков» [Смит 1993: 68];

Понго не сказал только, что ему удалось расшифровать нацарапанное на кости «С.О.С.». Это означало: «Спасите от Страшиндии» [Смит 1997: 57].

Перевод Чернышевой максимально далек от какой-либо конкретики и не передает драматизма оригинала. Отчаянье щенят вряд ли в состоянии шокировать Миссис (особенно после того, как она узнала, что из ее детей собираются сделать манто):

Понго вздохнул с облегчением, наконец рассказав всю правду. Вернее, почти всю, потому что о буквах на косточке, которые означали: «Спасите отчаявшихся собак!», сказать так и не решился [Смит 2016: 45].

Приободрившись, Миссис слишком высоко поднимает хвост – так же высоко, как Понго, и тот шутя делает жене замечание по поводу ее внешнего вида:

“Not too high, Missis dear”, said Pongo. “Let our hearts be gay, but not our tails”. For when a Dalmatian’s tail is curled high over the back it is called a “gay” tail and is a bad fault.

Missis was still laughing at this little joke... [Смит 1993: 270].

Здесь Понго проявляет знание стандарта породы Международной кинологической федерации, появившегося в 1955 г. и вплоть до 2010 г. рассматривавшего «веселый хвост» как недостаток, ср. стандарт FCI № 153/14.04.1999: «В спокойном состоянии держится вниз с легким изгибом кверху в нижней трети хвоста. В движении несется слегка выше линии верха, но никогда не вертикально (веселый хвост) и не закручиваясь». Таким образом, Понго создает каламбур на основе точного термина, что ставит перед переводчиками комплексную задачу – передать каламбур средствами русского языка, при этом сохранив термин (ведь «независимо от контекста термин переводится термином» [Влахов, Флорин 1980: 273]).

В переводе Мязотс игра слов утеряна, сохранен лишь термин, а речь Понго звучит сурово и тревожно:

– Пока радоваться рано, дорогая, – заметил Понго. – Пусть у нас будет легче на сердце, но хвосты наши никто не должен назвать «веселыми». (Дело в том, что у далматинцев «веселым» называется хвост, который закручивается в баранку, это считается плохой приметой.) [Смит 1992: 62]

В переводе Чупеева выпущено авторское объяснение узкого кинологического термина, и в целом не очень понятно, почему Миссис восприняла его слова как шутку:

– Не так высоко, моя дорогая, – усмехнулся Понго. – Пусть решимость будет в наших сердцах, а не в хвостах. Миссис оценила его шутку [Смит 1997: 56].

Остальные переводчики сохраняют и переключку хвостов и сердец, и общий настрой речи Понго. В переводе Чернышевой хвост остается веселым в соответствии с оригиналом и общепринятым переводом данного недостатка на русский язык:

– Держи его немножко пониже, дорогая, – даже сказал Понго. – Веселиться должно сердце, а не хвост.

Если у далматинцев кончик хвоста задирается выше холки, то про такой хвост говорят «веселый», и это считается дефектом.

Миссис повернулась к Понго с улыбкой... [Смит 2016: 43].

В переводе «Алкиноя» слишком высоко поднятый хвост – это хвост «с отвагой»:

– Не так высоко, дорогая, – улыбнулся на ходу Понго, – пусть отвага будет в наших сердцах, а не в хвостах.

Дамка оценила его шутку. Если у далматинцев хвост загибается на спину, то про него говорят, что это хвост «с отвагой» и это считается дефектом породы [Смит 1993: 66].

По пути в поместье, где держат похищенных щенят, Понго и Миссис прибывают на постоянный двор. Там их встречает Золотистый Ретривер, оказывает им

душевный прием и просит на прощание оставить автографы своему сыну, что они и делают:

Pongo and Missis put their pawtographs on the back of it for him... [Там же: 277]

В авторской речи использовано слово *pawtographs* – видимо, в то время это был окказионализм, широкое его распространение началось позднее; к примеру, Исторический корпус американского английского (Corpus of Historical American English, СОНА), охватывающий период с 1810 по 2000 г., его не фиксирует.

Известно, что, «даже воспринимая окказиональное слово, многие переводчики не решаются заняться словотворчеством и прибегают к более или менее удачным описательным эквивалентам» [Виноградов 2001: 124]. Только два переводчика из четырех – Мязотс и переводчик «Алкиноя» – творчески подошли к передаче данного авторского неологизма и перевели его как *лапографы* и «*лаптографы*» соответственно:

Понго и Миссис оставили на обороте свои лапографы [Смит 1992: 72];

Понго и Дамка оставили на его чистой странице свои «лаптографы» [Смит 1993: 74–75].

В переводах Чупеева и Чернышевой это просто *лапы*:

Они оставили на нем отпечатки своих лап и вернули листок симпатичному коллекционеру [Смит 1997: 62];

Понго и Миссис по очереди приложили лапы к чистой оборотной стороне... [Смит 2016: 50].

Далматины едва не оказываются заперты в цыганском таборе, но лошадь помогает им ускользнуть. Цыганские собаки заливаются лаем им вслед. В оригинале цыганский табор называется *caravans*, что дает Понго возможность, успешно избежав опасности, переиначить поговорку «собаки лают – караван идет»:

“The caravan barks but the dogs move on”, remarked Pongo, when he felt they were out of danger [Смит 1993: 347].

Поговорка имеет арабское, персидское или тюркское происхождение (единого мнения нет) и известна в английском языке с 1891 г. из книги Джона Локвуда Киплинга «Зверь и человек в Индии» («Beast and Man in India») [Manser 2007: 58]. Благодаря интернациональности данной поговорки ее перевод на русский язык не представляет трудностей. Все переводчики, сохранившие сцену побега из табора, переводят каламбур Понго почти одинаково, однако растолковывают его маленьким читателям.

Так, в переводе Мязотс игра слов объяснена в сноске:

– Караван лает – собаки идут, – усмехнулся Понго*, когда почувствовал, что опасность миновала [Смит 1992: 152].

*Понго перефразировал известную восточную пословицу: «Собака лает – караван идет».

В переводе Чернышевой прямо в тексте указано, что Понго переиначивает старую поговорку:

– Караван лает, собака идет, – ухмыльнулся, переиначив старую поговорку, Понго, когда последний щенок оказался вне опасности [Смит 2016: 102].

В переводе «Алкиноя» переводчик добавляет в текст неожиданную ассоциацию – крыши фургонов кажутся Понго горбами отдыхающих верблюдов:

Удалившись на безопасное расстояние, Понго оглянулся. Крыши фургонов издали напомнили ему горбы отдыхающих верблюдов.

– *Караван лает, а собаки идут, – с невольной улыбкой отметил Понго про себя* [Смит 1993: 152].

Такая ассоциация помогает читателю понять, с чего вдруг Понго шутит про караван (как и в других переводах, табор у «Алкиноя» называется только табором); но трудно представить себе, что при всем своем уме и образованности Понго, никогда не выезжавший за пределы Лондона, может знать, как выглядят отдыхающие верблюды, а в оригинальном тексте нет упоминаний о том, что Понго посещал Лондонский зоопарк.

В переводе Чупеева вся сцена с цыганами пропущена.

По пути в Лондон один из щенят Миссис выпачкался в саже – так, что даже мать его сперва не узнает. Понго решает, что все беглецы должны хорошенько изваляться в саже, чтобы стать менее заметными и не попасться на глаза похитительнице, которая вот-вот их нагонит. Он делает комплимент жене, которая с неохотой испачкала свою белую шубку, и напрашивается на ответный комплимент. Миссис признает, что сажа ему очень идет, но путается в паронимах *soot* и *suit*, что кажется всем очень смешным:

Then Pongo said: “How does soot suit me?”

“Suit suits you beautifully”, said Missis, and all the pups roared with laughter at her mistake [Там же: 349].

В переводах Мяэотс и Чупеева Миссис не путается в словах:

– *Ну как, а мне идет черный окрас?* – спросил ее Понго.

– *Ты великолепен,* – признала Миссис [Смит 1992: 154];

– *А мне идет черный костюм?* – спросил Понго.

– *Очень идет!* – искренне ответила любящая супруга [Смит 1997: 119].

В переводе «Алкиноя» Миссис допускает тавтологию и сама смеется над «неловким каламбуром»:

– *А как я выгляжу в этом костюме?* – спросил ее Понго.

– *Ты выглядишь на загляденье,* – ответила Дамка, и вместе со щенками засмеялась над этим неловким каламбуром [Смит 1993: 155].

Только в переводе Чернышевой игра слов сохранена – правда, фраза Миссис звучала вдруг несколько просторечно:

Потом Понго заволновался:

– *А как я? А идет ли мне этот сажный костюм?*

– *Кажный састюм тебе очень даже идет!* – сказала Миссис, и все покатались со смеху [Смит 2016: 104].

Осмотрев опустевшее поместье, в котором держали щенят, хозяин сотни собак решает купить его и основать династию далматинов. Миссис обижается: она не знает слова династия и слышит вместо него *nasty din* ‘отвратительный шум’. Понго объясняет ей, что повода для обиды нет:

“Here we will found a Dynasty of Dalmatians”, said Mr Dearly.

Missis was insulted. She thought the word meant a nasty din. But Pongo explained that it meant a family that goes on and on [Смит 1993: 396].

В переводах «Алкиноя» и Чернышевой подобраны удачные эквиваленты:

– Здесь обоснуется Династия Далматинцев, – важно объявил мистер Милоу, простирая вперед руку. Дамка немного обиделась. Она вовсе не считала, что они все время снуют туда-сюда, но Понго объяснил ей, что слово «обосновать» имеет совершенно другой смысл, чем слово «сновать» [Там же: 208];

– Здесь обретут жизнь новые поколения далматинцев, – сказал мистер Душечка. Миссис обиделась. Она решила, что это будут какие-то новые, другие далматинцы, им по колени. Но Понго объяснил ей, что это значит [Смит 2016: 139].

В переводах Мязотс и Чупеева недоумение Миссис и объяснение Понго отсутствуют.

Вообще перевод Чернышевой, почти везде сохраняя игру слов, может и вкраплять ее туда, где в оригинале ее нет. Так, в следующем примере игра слов применена в качестве компенсации утраты *devoured* и лат. *cave canem*:

Then she patted Pongo, who was looking particularly intelligent, and said anyone would think he understood. And indeed he did. For though he had very little Latin beyond “cave canem”, he had, as a young dog, devoured Shakespeare (in a tasty leather binding) [Смит 1993: 240].

Тут миссис Душечка потрепала по спине Понго и заметила, что он слушает с таким исключительно умным видом, будто все понимает. А Понго действительно все понял. Потому что с Шекспиром был знаком буквально с младых когтей (Шекспир оказался в очень вкусном кожаном переплете) [Смит 2016: 23].

5. ВЫВОДЫ

В переводе О. Мязотс почти нигде не сохранена игра слов и не переведены топонимы; некоторые реалии неточны. В этом переводе регулярно устраняются гендерные стереотипы оригинала (в том числе изменена половая принадлежность двух щенят – сильного мальчика и слабенькой девочки). Персонажи женского пола в этом переводе сильнее и умнее, чем в оригинале. Тем не менее эпизодические помощницы, как правило, становятся кобельками. Несмотря на указанные отступления от оригинала, данный перевод не содержит значительных сокращений, стилистически безупречен и выполнен в соответствии с нормами русского литературного языка.

Безымянный перевод издательства «Алкиной Лимитед» несколько косноязычен, пестрит неточностями и ошибками: тут и девятки, последовательно превращающиеся в восьмерки, и контекстуальные синонимы, и ложные друзья переводчика, и Миссис, ставшая отчего-то Дамкой. Гендерные стереотипы, представленные в оригинале, сохраняются и приумножаются.

Перевод Н. Чупеева сильно сокращен. Убраны упоминания смерти, убийства и неполиткорректное изображение цыган. Игра слов пропущена или передана не вполне удачно. Нет единой переводческой стратегии репрезентации персонажей женского пола: то щенкам искусственно навязываются традиционные гендерные роли (Ключок и Пуся), то устраняется стереотип, согласно которому девочки не так выносливы и сильны, как мальчики. Огромные лакуны, разумеется, нельзя считать достоинством перевода, но в нем пропущены в том числе сцены оригинала, в которых Миссис выглядит недалекой и чрезмерно эмоциональной.

Перевод Т. Чернышевой не вполне соответствует нормам русского литературного языка, содержит много стилистических погрешностей. Пропуски в нем совсем невелики, игра слов сохранена почти везде. Видимость эпизодических пер-

сонажей женского пола выше, чем в трех других переводах, но их репрезентация оставляет желать лучшего – они объективируются (Сеттер), им навязываются гендерные роли (Клякса и Хвостик) и стереотипы (*выдохшиеся* девочки-щенята).

Таким образом, все русские переводы романа на русский язык, не будучи лишены достоинств, в разной степени сокращены (причем издатели не сочли необходимым уведомить читателей о произведенных сокращениях) и отклоняются от оригинала при передаче личностных свойств, умственных способностей и особенностей поведения персонажей женского пола. Несмотря на то что эти изменения носят эпизодический характер, они являются свидетельством упадка издательской культуры и существенно влияют на восприятие книги читателями. Остается надеяться, что популярная детская книга дождется полного и точного перевода.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Виноградов 2001 – *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с. / Vinogradov V. S. (2001) Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). Moscow. 224 p.

Влахов, Флорин 1980 – *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе / Под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. 343 с. / Vlahov S. Florin S. (1980) Untranslatable in Translation / Ed. by. Vl. Rossels. Moscow. Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ. 343 p.

Смит 1992 – *Смит Д.* Сто один далматский дог / Пер. с англ. О. Н. Мязотс. М.: Олимп. ППП. Рудомино, 1992. 208 с. / Smith D. (1956) The Hundred and One Dalmatians / Illustrated by Janet and Anne Grahame-Johnstone. London. Heinemann. 199 p.

Смит 1993 – *Смит Д.* Сто один Далматин / Пер. с англ. М.: Алкиной Лимитед, 1993. 400 с. / Smith D. (1956) The Hundred and One Dalmatians / Illustrated by Janet and Anne Grahame-Johnstone. London. Heinemann. 199 p.

Смит 1997 – *Смит Д.* Сто один далматин / Пер. с англ. Н. Чупеева. Тула: Сантакс-Пресс, 1997. 160 с. / Smith D. (1956) The Hundred and One Dalmatians / Illustrated by Janet and Anne Grahame-Johnstone. London. Heinemann. 199 p.

Смит 2016 – *Смит Д.* 101 Далматинец: Повесть / Пер. с англ. Т. Чернышевой. СПб.: Книжная лаборатория, 2016. 144 с. (Читают все.) / Smith D. (1956) The Hundred and One Dalmatians / Illustrated by Janet and Anne Grahame-Johnstone. London. Heinemann. 199 p.

Manser 2007 – Manser Martin H. (2007) The Facts on File Dictionary of Proverbs. Infobase Publishing. 499 p.

Сведения об авторе:

Громова Мария Михайловна,
старший лаборант
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Maria M. Gromova,
Senior Assistant
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru